

роман

ЭМЕРИ ЛОРД

Дорога в лето

Эмери Лорд

Дорога в лето

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51806832>

Дорога в лето / Лорд Э.: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-983288-1

Аннотация

<p>Судьба семнадцатилетней Риган О'Нил с детства складывалась непросто, жизнь словно испытывала ее на прочность, а сама девушка успела совершить немало ошибок. И теперь ей нужен отдых. Время подумать и решить, как жить дальше. Поэтому предложение присоединиться к турне ее лучшей подруги, восходящей звезды кантри Лайлы Монтгомери, оказывается как нельзя кстати.</p> <p>Лето идет. Мелькают города и штаты. Но внезапно в жизнь Риган врывается коллега Лайлы по шоу-бизнесу Мэт Финч – парень с удивительной улыбкой и голосом, способным растопить айсберг...</p> <p>Мэт – кумир многих американских девушек. Влюбляться в него обычной, ничем не примечательной девчонке Риган просто глупо. Отношения с ним обречены с самого начала.</p> <p>Или все же стоит рискнуть?</p>

Содержание

4	5
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эмери Лорд

Дорога в лето

Посвящается Джанель, которая никогда не отступала.

Emery Lord
OPEN ROAD SUMMER

Перевод с английского Л. Таулевич

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency and
Synopsis Literary Agency.

© Emery Lord, 2014

© Школа перевода Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Нэшвилл – Шарлотт

Фанаты сходят по ней с ума, но они совсем не знают улыбающую девушку с гитарой, которую так часто видят на обложках. Ее имя – Дилайла, и многие думают, что короткий вариант – Лайла. На самом деле мою лучшую подругу зовут Ди. Насчет возраста они правы – ей семнадцать, хотя по поведению этого не скажешь. На встречах и интервью Ди ведет себя как опытный профессионал, будто ей уже за тридцать. А со мной наедине ей не больше двенадцати, и она смеется над всякой ерундой, как в те времена, когда еще носила брекеты, а наши планы на лето состояли из ночевок друг у друга и плавания в бассейне. Поклонники считают, что песни из этого альбома написаны после пережитого ею разрыва. Глупости! Она его не пережила. Даже близко.

На боку гастрольного автобуса красуется огромный плакат с изображением Ди на фоне поля с дикими цветами, ее рука на грифе двенадцатиструнной гитары. Рядом с фотографией написано прописными буквами, имитирующими ее почерк: «Лайла Монтгомери». Фанаты часами стоят в очереди, чтобы заполучить ее автограф на плакате или на футболке. Новый альбом называется «На краю вселенной, в Теннесси», а одноименная песня держится на первом месте в чар-

тах уже две недели. Это позитивная, мажорная композиция, вот только написана она больше года назад.

*На краю вселенной, в Теннесси,
Старый дуб хранит наши имена,
Все тропинки там ведут домой,
Ты лети туда, моя душа.*

*На краю вселенной, в Теннесси,
На крыльце танцуем я и ты.
Где бы ни была, там мои мечты.
Ветер, ты туда меня носи.*

Эту песню, как и многие другие, она написала для Джими.

Я неприкаянно брожу по обширной стоянке за штаб-квартирой «Мадди Уотер рекордс» на окраине Нэшвилла. Отсюда начинается летний гастрольный тур Ди. Три пассажирских автобуса уже выстроились в ряд, готовые тронуться в путь. Ди носится в толпе, здоровается, прощается и знакомит между собой семьи музыкантов, которые пришли проститься с отъезжающими. Я держусь на заднем плане, жду и вдруг замечаю боковым зрением, что кто-то беззастенчиво пялится на мои ноги. Там есть на что посмотреть, потому что юбка у меня – на границе правил приличия.

– Привет, – говорит парень, который рассматривает меня таким откровенным взглядом, что мне становится неудобно

за него. – Ты из группы?

– Ну да.

Это вранье. Я вяло улыбаюсь, хотя после пережитого за последний месяц у меня нет никакого настроения с ним кокетничать. К тому же, он вообще не в моем вкусе. Аккуратная стрижка, заправленная в джинсы футболка поло. Скучный до зевоты.

– Я Марк Трэн. Ассистент режиссера по свету.

– Риган О'Нил, – отвечаю я. И бросаю гранату. – Мне семнадцать.

Она взрывается. Мой новый друг Марк розовеет лицом и бормочет, что ему чрезвычайно приятно было со мной познакомиться. Когда твоего внимания добивается слишком большое количество мужчин, становится до обидного безразлично. Моя яркая внешность в сочетании со стилем одежды – все узкое и короткое – как магнитом, притягивает самых разнообразных представителей мужского пола: тихонь и хулиганов, младше меня и годящихся мне в отцы. Я давно научилась отличать безвредных от ядовитых, которые могут выпустить жало. Но иногда им все же удается меня одурачить.

Ди заключает в объятия мать скрипача. Та испуганно таращит глаза. Моя подруга страшно любит обнимашки. При одной только мысли, что я должна ни с того ни с сего обниматься с незнакомыми людьми, я непроизвольно скрещиваю руки на груди, и левое запястье тут же отзывается прони-

зывающей болью. Несмотря на июньскую жару и повышенную влажность, я нацепила кожаную куртку, чтобы спрятать гипс. Постоянная боль в руке напоминает, что неправильный жизненный выбор опасен для здоровья.

– Ты готова, Риган? – зовет меня Ди.

Я спешу к ней, стуча каблуками по асфальту. Меня всегда можно узнать по цоканью каблучков, если только не приходится тайком убегать из дома. Тогда я крадусь по скрипучим ступенькам босиком. Сегодня на мне высокие мотоциклетные ботинки на каблуках и легкое хлопковое платье в мелкий цветочек. Я люблю контрасты. Пока мы проталкиваемся к автобусу, Ди дает еще пару автографов родственникам музыкантов. Какая-то девочка, лет двенадцати, дрожит от возбуждения, будто ей чашку эспрессо внутривенно вкололи.

– Я считаю, что ты самая-самая красивая во всем мире, – тараторит она, пока Ди подписывает ей фотографию, – и не могу прожить без твоей музыки ни дня.

Мне и раньше приходилось видеть совсем съехавших с катушек фанатов Ди, но, по-моему, это уже чересчур. А Ди принимает ее восторги как должное. Она благодарит и крепко обнимает ошарашенную девчонку, не верящую своему счастью.

Ди – мой единственный настоящий друг, который придет на помощь, даже если я не показываю, что в ней нуждаюсь. Она шутит, что всегда держит деньги для залога на прикроватной тумбочке, а я отвечаю, что единственный звонок из

полиции потратила бы на нее. Только я не шучу, это правда.

Ди берет меня под руку, и мы идем к ее родным. Со своим отцом я попрощалась дома, а сюда меня подбросила мама Ди. Я не хотела долго и нудно прощаться с папой, потому что никто из нас не будет особо скучать. Мы оба знаем, что нам нужно отдохнуть. Ему – от моих бесконечных стычек с мачехой. А мне... да от всей моей жизни.

Я стою сзади, скрестив руки на груди. По тому, как долго и крепко Ди обнимает папу, я понимаю, что ей тяжело уезжать. Ее мама тем временем обнимается со своей младшей сестрой Пич, которая пробудет с нами все лето. Когда Пич садится в автобус, миссис Монтгомери подзывает меня, и я разжимаю руки. Та, что в гипсе, болит; стараюсь не обращать внимания. Мама Ди похлопывает меня по плечу.

– У вас будет такое замечательное лето, девочки! Мне уже не терпится услышать ваши рассказы!

Надо отдать ей должное, миссис Монтгомери не начинает читать нотации, что я должна вести себя прилично и не втягивать Ди в неприятности. Нет, она никогда так не делала, хотя с моей репутацией... Она всегда обнимает меня, как собственную дочь.

– Звони, если что понадобится, – шепчет она мне, выпуская из своих объятий.

Так говорят все мамы, которые отправляют дочь в лагерь, в колледж или в концертный тур. Хорошо, что есть кому мне это сказать. Ди наклоняется и обнимает своих младших бра-

тишек, сразу двоих. Что-то шепчет им, и те послушно кивают. Когда она выпрямляется, в ее глазах блестят слезы.

– Ну-ка, не раскисай, – говорит ее мама. – Мы увидимся на первом же концерте, ты даже соскучиться не успеешь.

Неправда, успеет. Ди очень хотела бы, чтобы вся семья поехала с ней, однако родители считают, что мальчикам лучше побыть в домашней обстановке. Они учатся в начальной школе, и у них должны быть каникулы с прыжками в бассейн бомбочкой и самодельными стойками с лимонадом – как у Ди, когда она была маленькой. Мама Ди обнимает ее и что-то шепчет на ухо. Наверное, дает какой-нибудь полезный материнский совет или говорит, что гордится ею. Миссис Монтгомери пишет музыку для крупной звукозаписывающей компании на Мьюзик-роу. Она никогда не пела сама, но в их доме всегда звучали Эммилу Харрис и Джонни Кэш, и мама своим примером показала Ди, что та может писать собственную музыку. Родители не заставляли дочь делать карьеру, просто в ее ДНК вместо двойных спиралей – музыкальные такты. Еще раз крепко стиснув маму, Ди отпускает ее и с тяжелым вздохом цепляется своим мизинцем за мой.

– Ладно, пошли.

Ди в последний раз оглядывается, и мы заходим в автобус, который на эти три месяца станет нашим домом. Мой ноутбук и сумка с камерой уже в салоне, а единственный огромный чемодан – в багажнике.

Ди сама придумала, каким должно быть внутреннее

убранство автобуса. По обе стороны стоят мягкие кожаные диваны, такие же, как в гостиной ее родителей. Дальше, в глубине салона – маленькая столовая в стиле ретро и крошечная кухонька с раковиной и холодильником, набитым всякой всячиной.

Я плюхаюсь на диван с правой стороны и устраиваюсь среди подушек, обшитых тканью с цветами, как на обложке альбома Ди. В дальней части автобуса стоит огромная кровать, на которую уже улеглась Пич, а к боковой стене прикреплены две кровати. Ди приземляется на противоположный диван и смотрит в окно на своих родных. Они ее не видят, но Ди приставляет ладонь к стеклу. Рядом с ней лежат два телефона, с которыми она никогда не расстается: один личный, другой рабочий. В личном – всего несколько номеров. Автобус трогается, провожающие машут руками. Ди машет в ответ, хотя никто, кроме меня, ее не видит. Водитель нажимает на сигнал, и мы отправляемся в путь.

Ди не отрывает взгляда от окна. Мимо проплывают знакомые кадры: центральную часть города сменяют улицы восточной окраины нашего городка Нэшвилла: раскидистые деревья, поля, домики с американскими флагами. Небо мрачнеет, Ди тоже. Она в отчаянии заламывает руки с глянцевыми розовыми ногтями.

В реальной жизни у Ди нет блестящего розового маникюра, у нее всегда грязь под ногтями после игр с братьями. С макияжем после недавней пресс-конференции, со слишком

темными для тона ее кожи накладными ресницами Ди похожа на свое высококонтрастное изображение. Светлые волосы свободными волнами падают на плечи, точно как у меня. Разница лишь в том, что по цвету Ди напоминает американский пейзаж. Глаза у нее голубые, как наше летнее небо, а волосы – словно пшеничные поля Теннесси, золотистые с вкраплением русых прядей. У меня почти черные волосы и коварные зеленые глаза. В сказке она была бы доброй феей, а я больше гожусь на роль троюродной сестры злой ведьмы, которая вечно все портит.

Ди о чем-то напряженно размышляет, машинально поглаживая свой талисман. Короткую тоненькую цепочку с маленькой золотой подковой подарил ей на четырнадцатилетие Джимми, и она всегда надевает ее на выступления. Моей подруге идеально подходит это изящное и простое украшение, без которого ее уже невозможно представить, как без шрафика на подбородке или веснушек на плечах.

– Послушай, – говорю я, сообразив наконец, что ее гложет, – эта журналистка – полная дура. Ты видела ее волосы?

Ди пытается сохранять серьезность, но не может сдержать улыбку. Я – как чертик на ее плече, всегда рада сказать что-нибудь такое, о чем она и подумать боится со своим южным воспитанием.

– Знаешь, я не хочу по нему скучать. Из-за этого я становлюсь слабой и жалкой.

– Знаю.

Говоря о Джимми, она почти никогда не называет его имени. Ей и не нужно. Это всегда «он». В каждом разговоре, в каждой песне.

– Я сама виновата, что написала эти песни. Конечно, люди будут спрашивать. Мне просто нужно смириться.

Вспоминая сегодняшнюю пресс-конференцию, я покусываю внутреннюю часть щеки – эта привычка появилась у меня совсем недавно, когда я бросила курить. Встреча с прессой в конференц-зале студии прошла как обычно, не считая наскоков одной слишком любопытной журналистки.

– Твой первый альбом был полностью посвящен любви, – сказала та, – а в этом почти все песни о разбитом сердце. Как ты это объяснишь?

Ди заученно улыбалась, но я понимала, что она чувствует. При подготовке к интервью ей задают вопросы и похлеще, а ответы доводят до автоматизма, как таблицу умножения. Я знала, что Ди справится, и все же она казалась ранимой и беззащитной за огромным столом на сцене, зажата между грузным менеджером и дылдой пресс-секретарем.

– Ну, – не снимая с лица улыбки, ответила Ди, – пусть мои поклонники не думают, что я могу петь только о любви. Нужно же какое-то разнообразие.

Фанаты много чего не понимают. Она ведь не только знаменитость, но и обычная семнадцатилетняя девчонка. Фальшивая улыбка моментально исчезает с ее лица, как только Ди закрывается у себя в комнате и дает волю слезам.

– А может, ты недавно пережила разрыв? – допытывалась эта выскочка, хотя никто ее не просил. Моя здоровая рука произвольно сжалась в кулак. – Возможно, это были длительные отношения со старой школьной любовью, как писали некоторые издания?

Ди снова широко улыбнулась.

– Единственные отношения, в которых я состою, это я и моя гитара. К счастью, мы до сих пор вместе. Спасибо за вопрос.

Из толпы репортеров послышался смех, и даже вечно недовольная пресс-секретарь Лисса с трудом удержалась от улыбки. Ди продолжала обмениваться любезностями с журналистами, но я запомнила эту гадину. Моя подруга всегда готова простить, забыть и идти дальше, во мне же тихо накапливается злость. Достаточно легкого порыва ветра, и она превратится в пожар. Этой бедняге остается только надеяться, что наши пути больше никогда не пересекутся. Я выросла на таком минном поле, что уже стала сверхчеловеком. Я готова в любую минуту пустить в ход весь свой арсенал словесного оружия и ненавижу всех, кто может обидеть Ди.

Она тяжело вздыхает и садится рядом со мной.

– Риган, господи, как я рада, что ты здесь. – Только в ее исполнении даже самые сентиментальные слова звучат искренне. Ди смотрит в глубину автобуса и говорит уже тише: – Пич славная, но не такая, как ты.

Пич – младшая сестра миссис Монтгомери. В детстве Ди

не могла выговорить настоящее имя своей тети Клементины и обозвала ее Пич – персик, оно так и приклеилось. Бледной алебастровой кожей и светлым от природы цветом волос Ди похожа на Пич, но та выше ростом, носит выпрямленные волосы и пушистую челку.

– Как я могла такое пропустить! – улыбаюсь я.

Вообще-то, я действительно чуть не пропустила тур. Папа не хотел, чтобы я все лето находилась под присмотром двадцатishестилетней Пич. Сам он не слишком хорошо разбирается в родительских обязанностях, так что скорее всего за веревочки дергала мачеха. К счастью, они оба не выносят моего бывшего бойфренда Блейка и готовы на все, лишь бы я к нему не вернулась. Еще одним весомым аргументом стал колледж. Я собираюсь поступать на фотожурналистику и сказала, что фотографии с гастролей пригодятся мне для портфолио. К концу путешествия я наберу снимков со всей страны.

Для меня эта поездка – не просто приятное времяпрепровождение, мне нужно уехать куда-нибудь подальше от дома. Весь год я, как все нормальные старшеклассники, тусила с людьми, которые мне не особенно нравились, и пропадала на вечеринках, которые меня мало интересовали. Мои собственные любимые развлечения привели к не очень приятным последствиям. А Ди тем временем выступала на сцене, снималась для обложек и записывала альбом «На краю вселенной».

Из спальни зоны выходит Пич. Когда Ди в прошлом году пела на разогреве у группы «Блю Скай Дэй», ей нужен был сопровождающий для тура. Родители не смогли поехать из-за младших детей, поэтому вызвалась Пич. В итоге она стала встречаться с Грегом, который играет на банджо в группе Ди, и тоже с радостью согласилась поехать в этот тур. Ди практически не нуждается в надзоре, поэтому Пич спокойно гуляет со своим Грегом, а в свободное время отвечает на телефонные звонки.

Как обычно, у нее в руках журнал. Пич следит за всеми колонками сплетен, проверяя, что пишут о Ди. Я тоже стараюсь это делать, только быстро выхожу из себя.

– Хочешь почитать? – предлагает она, протягивая мне открытый журнал. – Выйдет только в следующем месяце, но нам прислали пару экземпляров для ознакомления.

– Спасибо, – отвечаю я, и Пич снова исчезает в спальне.

Надо же, мой любимый журнал! Никогда бы не подумала, что Ди попадет на обложку «Айдиосинк»; пожалуй, она первый исполнитель в стиле кантри, удостоившийся такой чести. Провокационно-урбанистичный стиль этого издания скорее в моем духе. На фото Ди в красных балетках и ярко-синей курточке поверх белой рубашки с воротником, в джинсах... сидит верхом на механическом быке в салуне. Она даже не пытается принять сексуальную позу, просто держится обеими руками за шею быка и весело хохочет, запрокинув голову. Ди кажется выше, чем на самом деле – в

жизни мы почти одного роста. Интересно, все остальные, кто попадает в журналы, тоже кажутся выше, чем есть? «Вставшая на дыбы» – гласит название. «Очаровательная южанка Лайла Монтгомери рассказывает о своем стиле примерной школьницы, провинциальном происхождении и неприятии поп-музыки».

Ди весело ухмыляется, глядя на заголовок.

– Лисса в шоке, требует изменить название, а по-моему, здорово.

Образ Ди с самого начала служил предметом ее разногласий с пресс-секретарем Лиссой. Их «гардеробная война» тянулась месяцами. У Ди специфическое чувство стиля, основанное на старых фильмах, которые она смотрела с мамой в детстве: тесные блейзеры, девчачьи юбочки или скромные платья в мелкий цветочек, изящные балетки. Когда Ди только начинала карьеру, Лисса говорила, что такой стиль «слишком академичен для нашей целевой аудитории». Ее хотели видеть в ковбойских сапогах, но Ди категорически отказывалась. После выхода первого альбома ей предложили сняться в рекламе новой подростковой коллекции «Джей Крю». Лисса почуяла наживу и больше никогда не критиковала стиль Ди.

Я бегло просматриваю статью, надеясь, что репортер вел себя прилично. Я люблю «Айдиосинк» именно за то, что он высмеивает стереотипы, но если он начнет высмеивать Ди, я откажусь от подписки и отправлю анонимное письмо с жа-

лобой.

«Кантри-певица Лайла Монтгомери – это все, чего вы ожидаете, и даже то, чего вы не ожидаете. Озорная смешливая блондинка не любит распространяться о своей личной жизни и не стесняется есть чизбургер в присутствии журналиста. За те два часа, что я общался с ней в Нэшвилле, она показала себя милой и славной девушкой. Впрочем, восходящая звезда кантри способна повысить голос, стоит спросить у нее, не планирует ли она сменить кантри на поп-музыку.

– Ни за что, – уверяет она.

В ее звонком голосе звучат неожиданная сила и решимость, не оставляющие места для сомнений. Нет, я, пожалуй, процитирую. «Я не изменю свой стиль, не стану добавлять басы, не убегу банджо и гармонику. Я не согласна идти на компромиссы и предпочитаю оставаться собой, как исполнитель и композитор. Но если поклонникам поп-музыки нравится то, что я делаю, это чудесно, я очень рада», – заявила она.

Критик Джон Уоллес называет Лайлу «музыкантом от музыки» – художником, сосредоточенным на инструментальной стороне музыки, на доведении до совершенства сложных гармоний и поиске собственного звучания. По словам девушки, она считает своими духовными учителями Пэтти Гриффин, Джонни Митчелла и Долли Партон, хотя музыка Лайлы более жизнерадостна, чем творения ее вдохнови-

телей. Возможно, это у нее от матери – композитора Лоры Монтгомери».

Пока я читаю, Ди не глядя вертит в руке рабочий телефон. Ее взгляд рассеянно блуждает по автобусу, будто она следит за летящим мотыльком. Ее глаза всегда отражают движение мыслей.

– Эй, успокойся, – говорю я.

– Я спокойна.

Вот это уже вранье, она не успокаивается даже во сне. Впервые увидев в учебнике биологии изображение нервных окончаний, я подумала, что они похожи на маленькие растопыренные руки или же на голые ветви деревьев, если смотреть с высоты птичьего полета. Ди устроена не так, как все: ее нервы похожи на скрученные пружины.

– Терри забрасывает меня сообщениями.

Терри – ее менеджер, и он безжалостен.

– А что он хочет?

– Чтобы я спела «Без тебя». Но этого не будет.

Она печатает ответ.

Это бодрая и энергичная песня, с хлопками на припеве.

*Ты увидишь, что без тебя
Не стану плакать и горевать.
Я безудержна и свободна
И сумею тебе доказать:
Не боюсь одиночества я,
Покорю этот мир одна.
Будет прекрасна
жизнь моя, Стану счастливой без тебя.*

Она хотела написать песню о том, что сможет стать счастливой без Джимми, чтобы та стала сбывшимся пророчеством. Не вышло; зато песня понравилась лейблу, и ее записали. Ди считает, что выступления должны быть честными, она не хочет лгать своим поклонникам. Когда Ди отказалась включать «Без тебя» в концертный тур, лицо у Терри стало бордовым, как буженина в духовке, и от него чуть не пошел пар.

За окном почти темно, на чернильном небе собираются тучи, я вижу в стекле свое отражение: ненавистные острые ключицы, густые волнистые волосы, с которыми почти невозможно справиться. А самое ужасное – утратившие блеск глаза. Измученная, усталая, я еду в автобусе с Ди, прячусь в ее жизни, пока не смогу наладить свою.

Мы направляемся в Южную Каролину и пробудем там до конца августа. Думаю, я не буду скучать по Нэшвиллу, разве что по его ночному небу, каждый сантиметр которого усеян звездами. Мне никогда не удавалось передать это на фотографии: огромна Вселенная и мало все остальное. В детстве мир казался нам с Ди таким необъятным, таким ужасающе великим, что мы никогда в жизни не сможем его постичь.

– Как далеко простирается небо? – спросила меня однажды Ди, в то лето, когда мы только встретились. Мы лежали на прохладной траве и смотрели на звезды. На восьмой день рождения ей подарили книгу о созвездиях, и мы их внима-

тельно изучали.

— Далеко-далеко, — ответила я, — это называется бесконечность.

— Бесконечность, — повторила она.

Мы помолчали. Я обвела рукой контуры Малой Медведицы и почувствовала на себе взгляд Ди.

— Как думаешь, мы будем дружить бесконечно? — спросила она.

Помедлив секунду, я ответила:

— Да. Точно.

Мы сцепили мизинцы в нашем тайном знаке, а планета все кружилась и кружилась под звездами.

Я провожаю взглядом мигающий огонек летящего в небе самолета и думаю о том, куда занесла нас судьба. Ни для кого не секрет, что Ди проделала большой путь из теннессийской глубинки на лучшие сцены страны. Гипс на моей руке напоминает, что я тоже не теряла времени зря. Но мое путешествие только начинается.

Глава 2

Шарлотт

Я много раз бывала на концертах Ди, но такого еще не видела. Никогда в жизни, ничего подобного. Весь вчерашний день Ди с музыкантами посвятили генеральной репетиции. А сегодня концерт-холл превратился в какой-то безумный аттракцион с двойниками моей подруги. Куда ни кинешь взгляд, везде стоят девчонки нашего возраста и совсем маленькие девочки со своими мамочками, все в одинаковых нарядах: блейзерах, балетках и кулонах с подковами. Я даже заметила парочку симпатичных парней. Надо ими заняться, только сначала позвоню папе.

Ищу местечко потише, чтобы поздравить папу с днем рождения, ведь даже в гримерке сейчас слишком шумно. Я сделала вид, что не заметила, как удивленно поползли вверх накрашенные брови Ди, когда я сказала, что выйду позвонить отцу. Она быстро пришла в себя и ободряюще улыбнулась.

Ди явно не ожидала, что я так быстро соскучусь по папе. Наша семейная жизнь напоминает сентиментальную песню в стиле кантри. Мать сбежала от нас, когда мне было восемь, и папа тяжело переживал ее уход. Из Чикаго мы переехали в его родной Нэшвилл. Насколько я понимаю, решающим ар-

гументом для переезда стала близость завода, производящего «Джек Дэниелс». Правда, когда мне исполнилось двенадцать, папа бросил пить, но моя психика к тому времени серьезно пострадала. Я злилась на мать за то, что она бросила нас, а на отца — за то, что он практически бросил меня. Даже положительное влияние Ди не отменило моего стремления отомстить родителям за причиненную боль. По крайней мере, так считает психолог, назначенная судом, и мне очень неприятно признавать ее правоту. Еще больше я ненавижу тот факт, что эту дамочку назначил суд.

Я ступила на скользкую дорожку в седьмом классе, когда начала дерзить отцу и учителям, а в восьмом приобрела устойчивую привычку пропускать уроки. В девятом я уже всюю крутила со старшими парнями и целовалась с ними в машинах, просто чтобы почувствовать прилив адреналина. Я сбегала из дома на вечеринки, курила, пила дешевое пиво, а потом с помощью Ди возвращалась домой. Когда она уехала в свой первый концертный тур, я лишилась невинности с парнем, которого едва знала. Этот момент я бы предпочла вычеркнуть из своей памяти навсегда.

Дальше — больше. Прошлой осенью я загремела под суд за употребление спиртных напитков. Я пыталась преподнести Ди эту историю с юмором, но она только обеспокоенно вздыхала в трубку из города, в котором тогда находилась. Во время слушания дела я большей частью молчала, тем не менее, судья почему-то решила проявить милосердие. Чтобы

помочь мне встать на правильный путь, она отправила меня на общественные работы и прикрепила психолога. Я честно старалась исправиться, пока однажды на общественных работах не встретила Блейка. Это меня добило.

Список моих прегрешений занял бы слишком много места, и я не горжусь ни одним из них, разве только тем, что однажды убежала от копа на шпильках. Однако в апреле многое изменилось, в том числе я сама. Я стараюсь взять себя в руки, хотя не могу так сразу стать другим человеком. Я по-прежнему кокетничаю с парнями, чтобы добиться своего, а порой не могу удержаться от искушения выкурить сигаретку. Но я уже не та, что раньше.

За углом у киоска с сувенирной продукцией вижу толпу писклявых девчонок. Это уже не смешно. Я резко останавливаюсь, заметив дверь с надписью «Только для уполномоченного персонала», осматриваюсь в поисках охраны, которая в данный момент отсутствует, и решаю себя «уполномочить». С достаточно солидной камерой и пропуском на шее у меня вполне официальный вид. На пропуске написано: «Риган О'Нил, VIP». И моя фотография с сердитым лицом. Когда меня фотографировали, я была к этому не готова – я лучше делаю снимки, чем получаюсь на них. Повернув ручку двери, оказываюсь в дальней части конференц-зала. То, что нужно.

– Привет, пап, с днем рождения, – говорю я, как только он берет трубку.

– Спасибо, доченька. – Папа явно удивился моему звонку.

– Как там у вас дела?

– Отлично.

– Это хорошо, – говорит он после непродолжительной паузы. – У тебя замученный голос. Ты устала?

– Да. Мы сегодня проснулись в пять утра.

Он смеется.

– Думаю, в последний раз ты вставала в такую рань еще в младенчестве.

Так и подмывает заявить, что иногда я в это время еще и не ложусь, но я себя одергиваю. Это было раньше.

– Она нервничает?

Мой папа, конечно, обожает Ди. Моя подруга – мечта любого родителя.

– Немного. Скорее взволнована.

– Понятно. Потом расскажешь, как все прошло. – Помолчав, он спрашивает: – Ты ведь не ищешь неприятностей, правда?

– Нет, пап. – Я прекрасно понимаю, что именно Бренда надоумила папу задать этот вопрос. – Я все время с Ди или поблизости. Нигде даже не бываю.

– Ладно, спасибо за поздравление, – говорит он.

– Я позвоню через пару дней, – обещаю я, а он передает привет от Бренды.

Сглотнув, я отвечаю:

– Ей тоже привет.

Закончив разговор, я вдруг осознаю, что соскучилась по

папе. У меня нет ни брата, ни сестры, ни матери. Моя семья – он. И хотя у нас были трудности, папа сделал все, чтобы их преодолеть. Он гордится тем, что не пьет, и на все предложения выпить с улыбкой отвечает, что в завязке уже пять лет. Он не скрывает, что ему пришлось пережить, и хочет, чтобы окружающие понимали: если у них возникнут такие же проблемы, они всегда могут поделиться с ним.

Я выскальзываю из конференц-зала и ищу кратчайший путь к симпатичным парням, которые стоят в очереди за сувенирами Лайлы Монтгомери. Один, правда, уже одет в тему. На нем футболка с надписью: «Выходи за меня, Лайла!»

Поправив пропуск, я устремляюсь к нему. Эта футболка рассмешит Ди, – может, хоть немного расслабится... Он переводит взгляд с моего выреза на лицо. Вроде как обратил внимание, но не пялится – хороший мальчик.

– Привет, – непринужденно говорю я, – можно сфотографировать твою футболку?

– Пожалуйста.

Парень обнимает стоящую рядом девушку, выпячивает грудь и широко улыбается. Невысокий блондин с аккуратной стрижкой, приятная улыбка. Если бы Ди не сохла так по Джимми, он вполне мог бы ее заинтересовать.

– Спасибо, ей понравится. – Я опускаю камеру.

– Ты ее знаешь?

Вся его компашка поедает меня глазами, и одна девушка замечает мой пропуск.

– Подожди. Ты та самая «езда вверх-вних с Риган», про которую она поет?

Я пожимаю плечами. Ди увековечила мое имя в своем первом сингле «Дорога в лето». Она написала эту песню, когда мы учились в девятом классе и мечтали о том, какими будут наши каникулы в шестнадцать лет. Не в обиду старенькому кабриолету ее отца и нашим загородным шоссе, нынешняя дорога в лето оказалась в тысячу раз круче наших фантазий. Эта песня очень много для меня значит, хотя бывает немного не по себе, когда тысячи людей поют мое имя.

– Какая она? – спрашивает другой парень.

Я не знаю, что ответить, поэтому говорю:

– Классная!... Хорошего концерта.

Я отхожу в сторону, они окликают меня и спрашивают, нельзя ли увидаться с их кумиром. Но я уже машу рукой маленькой копии Ди – в светлом парике и с пластмассовой гитарой. Малышка такая смешная, просто чудо. Она позирует возле своей мамы, уперев руку в бок.

– Я покажу Лайле твоё фото перед тем, как она выйдет на сцену, – говорю я девочке, сделав пару снимков.

Девочка восторженно распахивает глаза.

– А скажешь ей, что меня зовут Оливия?

– Конечно.

– Спасибо! – с чувством говорит ее мать.

– Пожалуйста.

Я удаляюсь, а они обе начинают визжать от радости. Хо-

тела бы я иметь такую маму, как у Оливии, которая ходит с тобой на концерты и восторгается тем же, чем ты. Честно говоря, я была бы рада любой матери, лишь бы она меня не бросала.

Сфотографировав еще несколько сияющих фанатов, я направляюсь за кулисы. Все куда-то несутся, спешат, суетятся. Перед дверью в гримерку меня чуть не сбивает с ног какая-то перепуганная женщина с рацией. Семья Ди уже выходит, один из ее младших братьев держит под мышкой плакат.

– Привет, крошка! – Миссис Монтгомери на ходу чмокает меня в щеку, оставляя след от помады. – Как ты?

– Отлично. Ди в порядке?

– Да, все хорошо. Будешь стоять с нами в первом ряду?

– Ага, только в самом начале хочу поснимать сбоку, из-за кулис, – отвечаю я, поднимая камеру. – Давайте щелкну, пока вы еще здесь.

Мальчики поднимают плакат с надписью: «Мы любим тебя, сестренка!» – а родители их обнимают. Пока я фотографирую, они широко улыбаются, а через секунду миссис Монтгомери вытирает ладонью уголок глаза, из которого вытекает предательская слезинка.

– Извините, – говорит она, смеясь, – у меня, кажется, аллергия.

– Мама очень волнуется по поводу концерта, – вмешивается самый младший братишка Ди.

– Помолчи, – улыбается миссис Монтгомери. – Просто

невозможно, он повторяет все, что слышит. Увидимся, дорогая.

Ди сидит в гримерке, завернутая в халат, подаренный мною на позапрошрое Рождество, полностью накрашенная и причесанная для выхода на сцену. Вокруг все носятся в ускоренном темпе, а она застыла в кресле.

Я подхожу сзади и трогаю ее за плечо. Она вздрагивает и поднимает взгляд.

– Что с тобой? – спрашиваю я.

Мне не нравится выражение ее лица. Ди улыбается, но как-то слишком тяжело дышит.

– У меня такое ощущение, что все это происходит не со мной...

Рука у горла теребит подвеску, глаза широко распахнуты. Может, она просто старается удержать тяжелые накладные ресницы?

– Все эти люди пришли сюда, чтобы увидеть меня.

Ди испытывает благоговейный трепет перед своей собственной жизнью. Вот и сейчас она дрожит от страха, как будто все это свалилось на нее неожиданно. Шла, споткнулась, упала, и вот уже выступает на концерте. Однако привели ее сюда не случайность и не слепая удача, и она должна это знать.

– Эй, – говорю я, – ты уже сто раз выступала на сцене.

– Но я хедлайнер! Это мой концерт!

Я подавляю усмешку.

– Естественно! Ты думала, все они хотели послушать Кирку Кинг, а им по ошибке продали билеты на Лайлу Монтгомери?

Она закатывает глаза, но морщинка на лбу разглаживается. Глядя на нее, я перестаю замечать снующих вокруг нас людей. Я вижу только лицо своей лучшей подруги за несколько минут до исполнения ее заветной мечты. Я поднимаю камеру и фотографирую, пока она не успела меня оттолкнуть.

– По крайней мере сними нас вместе.

Я беру камеру здоровой рукой и улыбаюсь. Раздается щелчок. На фото – самые обычные лучшие подруги. Мы и есть самые обычные лучшие подруги, только я состою на учете в полиции, а Ди – суперзвезда.

– Достойный кадр, – решает Ди.

– Ой, подожди, хотела тебе показать... – Я перехожу с нашего фото на снимок маленькой девочки в костюме Ди. – Посмотри.

Ди смеется и увеличивает фотографию.

– О боже, какая милашка!

– Ее зовут Оливия.

– Лайла, время, – говорит ассистент.

Ди кивает, глядя на меня.

– Думаю, пора начинать.

– Да, пора, – соглашаюсь я.

Она встает, делает глубокий вдох, сбрасывает халат и

остаётся в первом сценическом наряде – ярко-красном платье с короткими рукавами. Потом крепко обнимает меня за шею, вкладывая в это объятие все свое напряжение, и тихо шепчет:

– Бесконечно?

– Бесконечно, – повторяю я.

– Увидимся после концерта, – говорит она и уходит в сопровождении ассистента.

Пич объясняет что-то распорядителю, загибая пальцы. Я делаю несколько снимков музыкантов, настраивающих гитары.

Сквозь объектив фотоаппарата видны предконцертная суэта, движение, техники и звукорежиссеры в черных футболках, отдающие приказы через микрофоны. В моей голове вырисовывается картина – глубина снимка, композиция, возможности каждой меняющейся сцены, – и я борюсь с собой, чтобы не нажать на кнопку слишком рано. Это мой самый большой недостаток – я слишком нетерпелива. Я хочу щелкнуть прямо сейчас, скорее, немедленно, а ведь выжди секунду – и получится шедевр.

Я смотрю из-за кулис, как музыканты начинают играть первую песню. Хотя я точно знаю, когда вступает Ди, все равно волнуюсь. Аккорды перерастают в первый куплет, и она выходит на сцену из-за боковой кулисы. Заметив ее, публика взрывается. Восхищенные крики и свист поднимаются к потолку; такое впечатление, что крыша сейчас взлетит в

воздух, как пробка от шампанского.

Ди поет в микрофон, медленно продвигаясь к центру сцены. Толпа подпевает и хлопает. На большом экране за спиной Ди – бесконечное голубое небо. Она полностью погружается в музыку. Несмотря на размеры сцены, Ди кажется высокой. Эта хрупкая девочка наполняет своей музыкой многотысячный концертный зал, и никто не догадывается, что ее нервы натянуты, как стальные пружины.

На середине концерта я перемещаюсь в фан-зону, которая находится прямо перед сценой, и делаю пару снимков братьев Ди с большими наушниками на головах. Миссис Монтгомери замечает меня и, широко улыбаясь, машет рукой. Ди снова выходит на сцену, уже в другом платье, и зал снова бушует.

– Разве это не прекрасно? – пытается перекричать толпу ее мама.

Моя подруга садится на табурет посреди сцены и начинает перебирать струны. На ее шее блестит подкова.

– Эта песня называется «Старые мечты». Я посвящаю ее своей маме и всем девочкам, которые пришли сюда с мамами, особенно Оливии.

Вот она какая – в мандраже перед первым сольным концертом все же запомнила имя девочки.

Хотела бы я в этот момент увидеть лицо Оливии. Представляю, как она кричит от радости и как будет делиться впечатлениями со школьными друзьями. Интересно, испы-

тывает ли ее мама такую же радость, когда смотрит на свою дочь. Такую же радость, какая написана сейчас на лице миссис Монтгомери. А моя мать – она вообще обо мне вспоминает?

Во время концерта я так возбуждена, словно никогда раньше не слышала этих песен. Ди вызывают на бис. Когда она возвращается на сцену, на экране появляются полевые цветы. Перебирая струны, Ди поет о том месте, где мы встретились с ней много лет назад: «На краю вселенной, в Теннесси».

В финале моя подруга торжествующе поднимает руки и запрокидывает голову. Она исполнила свою мечту.

Память возвращает меня на три года назад. Я ни капельки не удивилась, когда школьный психолог вызвала меня к себе для беседы, едва мы перешли в девятый класс. Сплетни ходили за мной по пятам со средней школы, когда компания каких-то идиотов прозвала меня анорексичкой. В восьмом классе, когда я начала носить третий размер, они распускали слухи, что у меня импланты, что я снимаюсь в порно и что я шлюха. Стоило мне пропустить школу из-за посещения стоматолога, как оказывалось, что я шлялась с выпускниками. Мамы у меня не было, а папа совсем не анонимно состоял в Обществе анонимных алкоголиков. Поэтому сплетням верила даже психолог. В тот раз она стала выяснять, правда ли, что я переспала с учителем. Тогда мне было всего четырнадцать, и я целовалась за всю свою жизнь только с двумя

парнями. К тому же учитель... фу. Я вздохнула и покачала головой.

– Послушайте, эти слухи распускает Мия Грациани, чтобы отвлечь всех от собственных проблем. Не люблю сплетничать, но за последний месяц я дважды видела, как ее стошнило в школьном туалете. Либо она беременна, либо у нее булимия. Бедняжка!

Это было подлое вранье, которого я почти стыдилась. Но я ненавидела Мию. Ненавидела за то, что она выбрала меня предметом своих насмешек, а еще больше за то, что она разбудила во мне злость. Я не хотела быть такой, но, если собаку постоянно бить, она в конце концов покажет зубы.

После звонка на урок я отправилась в женский туалет, вошла в кабинку, на дверях которой красовалась надпись: «Риган О’Нил – шлюха», и черным маркером написала, куда Мия Грациани может засунуть свое мнение. А через пару секунд я услышала скрип двери и осторожные шаги.

– Риган, – когда Ди говорит тихо, ее голос всегда звучит, как голос ее мамы, – давай, пошли отсюда.

Я подчинилась, изо всей силы толкнув металлическую дверь, которая грохнула об стенку. Ди вздрогнула и обозрела ущерб. Она держала в руке разрешение на выход в туалет – мы обе должны были находиться на уроке.

– Они просто тебе завидуют.

– С чего бы им мне завидовать?

– Потому что ты умная и красивая. Это лишает их уве-

ренности в себе.

– Ага, как же.

Я нахмурилась и снова толкнула дверь, уже не так сильно. Ди придержала ее, не дав удариться о стену.

– Знаешь, на тебя они тоже злятся, – зачем-то сказала я.

За глаза девчонки называли Ди «кудряшкой», а говоря о ее контрактах со студией, всем своим видом показывали, что не верят в эти басни. С моей стороны было, конечно, некрасиво тянуть Ди за собой на дно. Ее лицо вытянулось, однако она не позволила себе заплакать. Даже в те времена Ди была сильной. Не шумной и отчаянной, подобно некоторым девочкам нашего возраста. Как и сейчас, ее сила заключалась в спокойной уверенности.

– Да, я знаю, – наконец произнесла она. – Но мама говорит, что лучший способ отомстить недоброжелателям – жить хорошо и делать все, чтобы твои мечты исполнялись. И я ей верю.

Теперь, с триумфально поднятыми руками, на фоне взрывающихся разноцветных фейерверков, она доказывает свою правоту. И я тоже ей верю.

Глава 3

Шарлотт

Мы возвращаемся в отель только после двух часов ночи. Я не пила шампанского на вечеринке, потому что до сих пор в завязке, и должна сказать, быть трезвой на вечеринке – чертовски скучно. Не поймите меня неправильно, я не алкоголичка. Мой девиз – все или ничего, а так как все я уже попробовала, то теперь остается ничего. Ди тоже не пила, она вообще не пьет.

Концерт был потрясающий. Родные Ди, заплаканные и счастливые, летят обратно в Нэшвилл, а я осталась здесь с Ди, на ее личном седьмом небе.

Когда мы наконец попадаем в наш номер, Пич сразу удаляется в свою спальню. Ди кружит по комнате – ураган адреналина и триумфа. Я бросаю сумку на пол и падаю на диван возле ноутбука. Хочу перекинуть фотографии с фотоаппарата, чтобы освободить память на завтра. Ввожу пароль и едва успеваю нажать кнопку, как чувствую: что-то в комнате меняется. Радостное возбуждение Ди моментально угасло. Она смотрит на свой рабочий телефон, и ее лицо становится мертвенно-бледным, словно ее только что ударили. Очень сильно.

– Риган, – глухо говорит она. – Загугли мое имя.

Мои пальцы начинают стремительно бегать по клавиатуре, я даже забываю о гипсе. Поиск выдает кучу ссылок, и мое сердце уходит в пятки. Ди безвольно падает на диван рядом со мной.

За последние полчаса появилось двенадцать новостей, связанных с ее именем, и каждая с ужасающим названием: «Обнаженные фотографии Лайлы Монтгомери», «Принцесса свергнута с престола?», «Парень, которому она разбила сердце».

– Что за фигня?.. – Мои глаза в ужасе мечутся по экрану.

Конечно же, это чушь. Нет никаких обнаженных фотографий. Хотя меня больше пугает последняя статья. Похоже, они пронюхали о Джимми. Это еще хуже. Это один из самых адовых ночных кошмаров, и я не могу поверить, что он осуществился. Ди и Джимми были домоседами даже до первой ее записи. Они почти никогда не фотографировались вместе.

Ди прикрывает рот рукой, ее глаза расширяются от ужаса.

– Открой любую.

Я нажимаю на первую ссылку, готовясь к худшему. Вместе со статьей появляется фотография, которую я узнаю. Ее обрезали – вырезали бассейн позади Джимми и Ди и людей, которые стоят вокруг. Журнал отредактировал фотографию, оставив только слившиеся в поцелуе верхние части их тел. Его плавки и нижняя часть ее купальника остались за кадром. Еще хуже, что длинные волосы Ди закрывают бретельки, и создается впечатление, что она совсем без купальника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.